

* * *

Татарник да вишарник –
Заброшенная дача.
Не будь неблагодарным,
Взгляни на мир иначе!

Всяк, в этом мире сущий,
Своей свободой дышит –
Сорняк дикорастущий,
Что опекаем Свыше.

Всё, битое судьбою –
Не скопище заброшек,
Включая нас с тобою
И всех бродячих кошек.

Вишарник в небо рвётся.
Татарник небом дышит.
И пьяный бомж смеётся,
Закусывая вишней.

* * *

Россия окаянная,
Себе же на беду –
У рьяного Ульянова
Идешь на поводу.

Лентя он не празднует –
Нежданный этот гость.
Надеешься напрасно ты –
Помилует, авось!

Тебе он пустит кровушку,
Он жалости неймет.
Последнюю коровушку
С подворья прочь сведёт.

Но не отринешь совести,
Хоть рублена с плеча.
Братоубийства болести
Молитвою леча.

...Дороженьку унылую
Протопчешь на погост.
...Зато увидишь, милая,
Как внук взлетит до звёзд.

* * *

Слова-пьянчужки вдоль речушки Пьяны
В Агрызе огрызаются порой...
А в Бондюге словечки-бандюганы
Не дружат с забубённой головой.

Измордовавшись меж мордвой и чудью,
Они смешат Казань и Шумерлю...
Вдыхаю волжский ветер полной грудью,
Взахлёб рифмую и захлёб люблю.

Обвенчанная с ветрами победы,
Овеянная песнями весны,
Я в этот мир пришла вести беседы
О сказках древнерусской старины.

Меня врачует заповедной речью
Застенчивая Заповедь-река.
И дивным сном напомнит мне о вечном
Сноведь-река, начав издалека.

А мимо покаянно-окаянно,
Как опосля креплёного винца,
В кустах петляет пьяной бабой Пьяна,
И в простоте не вымолвит словца...

Пускай порой куда похлеще мата
Названия, что помнят старину,
Для слов, что от рождения крылаты,
Степной простор наотмашь распахну.

Неси, братейко, перелётный ветер,
Стихи, что родились не налегке,
Вертлявой Пьяне и лесной Сноведи,
И затаённой Заповедь-реке.

* * *

Наверно, для чего-то это надо –
Предательства, подножки и тычки.
Волчицей, выходящей из засады,
Опять иду на красные флажки.

Улыбкою спасаясь от удушья,
К себе самой я возвращаюсь вновь...
О, где же ты, моё прекраснодушье?
И где же ты, великая любовь?

Подстрелены вселенскою тоскою,
Вы накануне жизни и весны
Чеканной поэтической строкою
В несовершенство мира влюблены.

Когда бы я не родилась поэтом,
Шакалы не скулили бы: «Ату!»...
Но накануне битвы тьмы со светом
Суровый кодекс волчьей чести чту.

Мне за победу оправдаться нечем:
Удел поэта на Руси таков...
...И на кануне оплывают свечи,
Поставленные мною за врагов.

* * *

Он спросит меня: «Диана, неужто же это ты?»
Отвечу ему: «Ну конечно же, это – не я!
Не синяя птица твоей сокровенной мечты,
И уж, конечно же, не единственная твоя!..»

Он знойный брюнет, соколиные брови вразлёт.
Небезуспешно зарёкся навек от суммы и тюрьмы.
А я поэтесса, и он меня вряд ли поймёт.
А мне-то его понимать и подавно – в ломы.

Меня он узнал. Знать, богатой не быть мне вовек.
А я не узнала его, пусть успешным останется он.
На вид вроде бы и такой же, как все, человек.
Таких-никаких в нашей жизни у каждого – свой батальон.

Но где же тот мальчик с шальной рогаткой в руке?
Да там же, где девочка с раненой птичкой в руках!
А что между нами? Вспорхнувшая ввысь налегке
Разлучница-жизнь, что пригрезилась в розовых снах.

Смотрит с портрета Владимир Ильич,
Смотрит с иконы Владимир Креститель,
Как на столе воцарился кулич,
И превратилась хрущёвка в обитель.

Не вспоминая про свой партбилет,
Видя, как крашенки-яйца лелеют,
Смотрит, лукаво нахмурившись, дед,
Но возражать почему-то не смеет.

Кисти в гуашь окуная с утра
И живописцем себя ощущая,
Словно окрестная вся детвора,
Крашенки в писанки я превращаю.

Родина бодро идёт в коммунизм,
Словно в красивую добрую сказку.
Как живописен мой соцреализм
Майской порой на советскую пасху!

Бабушка средь суеты загрузит:
В храм бы, да вот искушает нечистый.
Дедушка в храм ей идти не велит.
Помни, твердит, ты жена коммуниста!

На кумачовых яичках зарю
Я вдохновенной гуашью рисую.
Женечке Чикильдину подарю
И троекратно его расцелую.

Не позабудут вовеки уста
Вкус целомудренных тех поцелуев...
Празднуем мы Воскресенье Христа,
Не поминая Всевышнего всеу.